

Анастасия Готовцева, Оксана Киянская
Поэма К. Ф. Рылеева «Войнаровский»:
публицистический текст и исторический контекст

Биография и творчество К. Ф. Рылеева, знаменитого поэта и заговорщика, казалось бы, хорошо изучены. По крайней мере, исследований, как посвященных его жизни в целом, так и отдельным ее аспектам, существует немало. Однако далеко не на все вопросы, возникающие в связи с биографией и творчеством поэта, можно сегодня дать адекватные ответы.

В частности, одним из самых «проблемных» произведений можно считать его позднюю поэму «Войнаровский». Поэма эта была опубликована в начале 1825 г. (цензурное разрешение от 8 января). Она увидела свет в Москве, где «от времен Новикова все запрещенные книги и все вредные ныне находящиеся в обороте» были «напечатаны и одобрены». И где важнейшим при принятии цензорских решений оказывалось слово князя Петра Вяземского — поскольку цензоры боялись его связей в правительстве¹. Очевидно, именно Вяземский, верный соратник Рылеева по собиранию альманаха «Полярная звезда», провел поэму через московскую цензуру. Именно его благодарил Рылеев «за участие» в судьбе своих произведений и за то, что «Войнаровский» мало пострадал в цензурном «чистилице»².

© Anastasia Gotovtseva. Oksana Kianskaya, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

¹ Дубровин Н.Ф. Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. 1903. Т. 113. Вып. 2 (февраль). С. 260.

² Письмо К. Ф. Рылеева П. А. Вяземскому от 12 января 1825 г. // Рылеев К. Ф. Сочинения / Под ред. С. А. Фомичева. Л., 1987. С. 312—313.

Источники, которыми пользовался Рылеев, создавая свою поэму, ее романтическая, байроническая форма, ее связи с другими такого же рода романтическими произведениями давно выявлены исследователями. Для настоящей работы важнее другое — публицистический смысл, который в нее вложил Рылеев. Полное издание «Войнаровского» — в том виде, в каком ее получили читатели в начале 1825 г. — представляло собой сложный комплекс противоречивших друг другу текстов.

* * *

На титульном листе книги был помещен эпиграф из «Божественной комедии» Данте, на итальянском языке: «...Nessun maggior dolore Che ricordarsi del tempo felice Nella miseria...» («Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье»). Открывалась книга рылеевским посвящением А.А. Бестужеву, его близкому другу³.

Затем следовало краткое предисловие, из которого можно было узнать о сложностях, ожидающих всякого, кто берется читать эту книгу. Главная сложность касалась образа знаменитого гетмана Ивана Мазепы, изменившего Петру I и перешедшего в ходе Северной войны на сторону шведов: «Может быть, читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведенного поэтом и изображенного историком. Считаю за нужное напомнить, что в поэме сам Мазепа описывает свое состояние и представляет оное, может быть, в лучших красках; но неумолимое потомство и справедливые историки являют его в настоящем виде: и могло ли быть иначе?»⁴.

³ Рылеев К.Ф. А. А. Бестужеву // Рылеев К. Ф. Войнаровский. М., 1825. С. III—IV. О смысле этого посвящения см.: *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Из истории русской журналистики 1820-х годов: К. Ф. Рылеев, Ф. В. Булгарин и П. П. Свиньин // Вестник РГГУ. 2011. № 6. С.11—36.

⁴ Рылеев К. Ф. [Предисловие] // Там же. С. IV. Согласно Ю. Г. Оксману, предисловие, выделенное кавычками и особым шрифтом, — было написано «по требованию цензуры». Эту точку зрения разделяют и многие позднейшие исследователи.

За предисловием следовали прозаические биографии героев поэмы: «Жизнеописание Мазепы», написанное историком — А. О. Корниловичем, и «Жизнеописание Войнаровского», принадлежащее перу близкого А. А. Бестужева. И про главного героя, племянника Мазепы, и про самого мятежного гетмана авторы «Жизнеописаний» сказали немало резких слов. «Низкое, мелочное честолюбие привело его (Мазепу — А. Г., О. К.) к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?» — писал Корнилович⁵. Бестужев, вторя Корниловичу, называет Мазепу «притворщиком», «обманщиком» и «славным изменником»⁶. О гетмане-изменнике повествовали и пять подстраничных примечаний в тексте поэмы: «Какая слава озарила бы Мазепу, если бы он содействовал Петру в незабвенную битву Полтавскую! Какое бесславие омрачает его за вероломное оставление победоносных рядов Петра!»⁷.

С этими текстами резко контрастировала сама поэма. Мазепа в ней не изменник, а сознательный борец с российским самодержавием. Противостоят Мазепе и Петра осмысляется в терминах борьбы «свободы с самовластьем»⁸. Причем за счастье своей родины, «Малороссии святой», Мазепа готов не только отдать жизнь, но и «пожертвовать» «честью», а также принять от неразумного народа обвинения в предательстве и сранение с Иудой⁹. Неравная борьба Мазепы с Петром оканчивается поражением мятежника. И, хороня своего лидера, сторонники гетмана «погребают» «свободу родины своей»:

⁵ А. К. [Корнилович А. О.]. Жизнеописание Мазепы // Там же. С. XV—XVI.

⁶ А. Б. [Бестужев А. А.]. Жизнеописание Войнаровского // Там же. С. XIX—XX.

⁷ Рылеев К. Ф. Войнаровский. С. 24.

⁸ Там же. С. 23—24; Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 214.

⁹ Рылеев К. Ф. Войнаровский. С. 23—24; Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С. 214.

Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили¹⁰.

Немногим отличается от образа Мазепы и образ его племянника — собственно Войнаровского, сосланного в Сибирь за участие в замыслах дяди:

Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага,

— резюмирует Войнаровский¹¹.

Образ Мазепы в поэме вызвал недоумение у современников. За два года до выхода «Войнаровского», в «Полярной звезде» на 1823 г., появилась знаменитая дума Рылеева «Иван Сушанин» — перепечатанная потом в нескольких столичных журналах. В думе утверждалось, что «предателей» «нет и не будет на русской земли». И что в России

Каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит¹².

Современникам казалось странным, что Рылеев воспекает в поэме того, чье имя — в сознании истинного патриота — давно предано анафеме. Драматург П. А. Катенин замечал в частном письме: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катеном»¹³.

Образ Мазепы в поэме приводил в смятение и позднейших историков литературы; в изображении гетмана, по мне-

¹⁰ Рылеев К. Ф. Войнаровский. С. 38, 34.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 219.

¹³ Письма П. А. Катенина к Н. Н. Бахтину // Русская старина. 1911. Т. 146. Вып. 6 (июнь). С. 594.

нию большинства из них, Рылеев в поэме был «антиисторичен», допустил «ошибку», отступил от исторической правды¹⁴. Не меньший шок у комментаторов вызывала и националистическая окраска поэмы, в которой свободолюбивые малороссы противостоят «врагам страны своей родной» — «москалям». При чтении поэмы и у современников, и у позднейших исследователей возникал справедливый вопрос: откуда в поэме Рылеева, русского дворянина и бывшего офицера, могли появиться националистические ноты? «Не только в простом народе, но и в образованном малороссийском обществе времен Рылеева редко встречались люди, способные назвать москаля „врагом страны своей родной“», — констатирует историк украинского сепаратизма Н. И. Ульянов¹⁵.

* * *

Как известно, украинская тема была одной из главных в творчестве Рылеева середины 1820-х гг. стала. И «Войнаровский», и неоконченная поэма «Наливайко», и большинство других, тоже оставшихся неоконченными, поздних произведений поэта в той или иной степени посвящены борцам «за свободу» Украины. В основе их лежат темы и сюжеты, почерпнутые Рылеевым из «Истории Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением состояния сего края» Д. Н. Бантыш-Каменского, впервые опубликованной в 1822 г. Еще одним источником рылеевских сюжетов и оценок была распространявшаяся в списках анонимная «Истории руссов».

¹⁴ См., напр.: Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С.95; Благой Д. Д. Историческая поэма Пушкина («Полтава») // Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 260; Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева. М., 1955. С. 115, 117.

¹⁵ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 160.

Первое произведение Рылеева, в котором сделана попытка осмысления истории Украины, — дума «Богдан Хмельницкий», написанная в 1821 г. Сюжет этой думы вполне традиционен для рылеевских произведений такого рода: сидящий в тюрьме герой мечтает о свободе своей отчизны. Из заключения его освобождает, возвращая меч, некая «жена Чаплицкого», и обрadowанный Хмельницкий восклицает:

Заря свободы воссияет
От блеска мстительных мечей

Далее описывается борьба Хмельницкого с поляками, момент, когда

...яростно вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою молодой.

В итоге в «украинских степях» «воцарилася свобода»:

И стала с счастьем народа
Цвезть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — Богом данным
Народа общий глас призвал¹⁶.

Дума «Богдан Хмельницкий» стала едва ли не самой популярной из рылеевских дум. При жизни автора она была напечатана пять раз: в 1822 г. ее публикуют «Соревнователь просвещения и благотворения», «Русский инвалид» и «Сын отечества»¹⁷, четвертая ее перепечатка состоялась в вышедшем в 1825 г. в Москве сборнике «Думы». Интересным свидетельством популярности этого произведения была его «пират-

¹⁶ Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975. С.76—77.

¹⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. № 6. С. 542—545; Русский инвалид. 1822. № 45. 1 марта; Сын отечества. 1822. Ч. 78. № 23. С. 130—134.

ская» публикация в военной газете «Русский инвалид»: там она появилась без ведома автора «и с неверного списка»¹⁸.

В основе сюжета думы — неоконченная повесть Ф. Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия». Рылеев заимствовал у Глинки саму идею произведения на «богдановский» сюжет, а также некоторые образы, сюжетные ходы и характеристики героев¹⁹. У Глинки Рылеев заимствовал и трактовку деятельности Хмельницкого как борьбы «за свободу» Украины. В частности, в самом начале повести будущий «новый Моисей народа малороссийского» видит «сон» о том, как «сыны Малороссии, лишенные воли, собственности и законов, изгибались под тяжким бременем даней и налогов». Но «вдруг блеснула молния, прогремел гром и раздался голос невидимого: „Восстаньте и бодрствуйте: час свободы настал!..“»²⁰.

Повесть эта была при жизни Глинки издана дважды. Первое ее издание было осуществлено в составе трехтомного собрания сочинений, вышедшего под названием «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторической повести „Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия“». Собственно, введение и первая глава повести вошли в третью часть этого собрания, опубликованную в 1817 г. (цензурное разрешение от 10 октября 1816 г.). Вторая публикация частей повести состоялась в 1819 г., в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»²¹. В этой публика-

¹⁸ [Прим. изд. к думе «Богдан Хмельницкий»] // Сын отечества. 1822. Ч. 78. № 23. С. 130.

¹⁹ Жаркевич Н. М. Творчество Ф. Н. Глинки в истории русско-украинских литературных связей. Киев, 1981. С. 120—121, 124; Ср.: Фризман А. Г. [Примечания к «Думам»] // Рылеев К. Ф. Думы. С. 240 и др.

²⁰ Глинка Ф. Н. Письма к другу, содержащие в себе, замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением исторического повествования «Зиновий Богдан Хмельницкий или освобожденная Малороссия»: в 3 ч. СПб., 1817. Ч. 3. С. 159—160.

²¹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. Ч. 5. № 1. С. 1—16; № 2. С. 129—170; Ч. 6. № 4. С. 1—26; № 6. С. 237—266.

ции повесть значительно дополнена. Однако и на страницах «Соревнователя» повесть не приобрела законченного вида.

В истории написания и бытования этой повести до сих пор остается много неясного. В частности, неясно, почему «Зиновий Богдан Хмельцкий» так и остался неоконченным. Исследовательница творчества Глинки Н. М. Жаркевич утверждала, что причины, по которым автор не завершил свое произведение, установить не удалось. Она предполагала, что причины эти были чисто внешними: «в 1820 году неожиданно разразилось знаменитое восстание в Семеновском полку. Оно внесло дополнительные трудности в работу членов тайного политического общества»²². Иными словами, Глинка стал активно заниматься делами тайной организации, и дописать произведение просто не успел.

Однако это объяснение нельзя признать исчерпывающим: восстание в Семеновском полку «разразилось» почти через два года после начала публикации повести в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Время на то, чтобы закончить повесть, у автора было. Кроме того, «семеновская история» 1820 г. никак не могла помешать Глинке закончить повесть между двумя ее публикациями, между 1817 и 1819 гг.

Скорее всего, «семеновская история» к окончанию сюжета про Богдана никакого отношения не имела. Дело же было в том, что окончание этого сюжета обязательно предполагало описание событий Переяславской рады 1654 г., когда украинский гетман добился присоединения Малороссии к России. Описание же этих событий ставило перед читателем ненужные вопросы о последствиях это присоединения: о потере Малороссией своих автономных прав, о непростых отношениях и Богдана, и последующих гетманов с русскими царями. В истории с присоединением к России Богдан уже не выглядел однозначным «борцом за свободу» — каким он выглядел во взаимоотношениях с поляками. К нему больше применимы были эпитеты, встречающиеся, например, в хорошо извест-

²² Жаркевич Н. М. Указ. соч. С. 118—119.

ной Глинке анонимной «Истории руссов». Согласно этой работе, «козаки», не желавшие присоединения, «подняли открытый ропот и шум на Хмельницкого, называя его злодеем (от польского *zdrajca* — изменник, предатель — А. Г., О. К.) и предателем отечества, подкупленным, якобы, от слов». «Козакам», в частности, не нравилось, что те, к кому их присоединял Богдан, «торгуют собственной братьею своею и, несмотря на одноверство и однокровство, продают один другого без стыда и угрызения совести»²³.

Неясными также остались причины побудившие автора дважды печатать неоконченную повесть. Жаркевич утверждала: «Работая над романом, Глинка руководствовался, прежде всего, уставом Союза благоденствия», поскольку «устав Союза благоденствия предусматривал печатать сочинения о „добродетелях великих мужей“» — и «возможно, именно это обстоятельство заставило писателя поспешить с публикацией еще неоконченного произведения»²⁴.

Однако в 1817 г., когда повесть впервые была издана, Союза благоденствия еще не было, а о «добродетелях великих мужей» писали в 1810-х — 1820-х гг. отнюдь не только члены тайных обществ.

Представляется, что ответы на эти вопросы может подсказать анализ исторического контекста обеих публикаций «Зиновия Богдана Хмельницкого». Именно с учетом исторического контекста понятен интерес, который в 1810-х — 1820-х гг. вызывал образ Богдана.

Надо отметить, что в этот период Украиной увлекались не только Глинка с Рылеевым. Увлечение историей Малороссии с ними разделяло большинство образованных людей пушкинской эпохи. И на страницах периодических изданий, и отдельными книгами появляются описания Украины, посвященные этому краю разнообразные путевые очерки, Украина занимает одно из первых мест и в научных исследованиях. Печатается «Грамматика малороссийского наречия» А. Пав-

²³ История руссов или Малой России. Киев, 1991. С. 99.

²⁴ Жаркевич Н. М. Указ. соч. С. 110, 116.

ловского (1818), Н. А. Церетелев пишет «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (1819), появляется «История Малой России» Бантыш-Каменского, в 1818 г. Российская Академия предпринимает издание «Малороссийского словаря». Общероссийскую популярность обретает поэт И. П. Котляревский, сочинивший на «малороссийском наречии» поэму «Энеида», в конце XVIII — начале XIX в. несколько раз переизданную, а также пьесы «Наталка-полтавка» и «Москаль-чаровник» (1819)²⁵.

Причины этого всеобщего увлечения Украиной были связаны, прежде всего, с назначением в июле 1816 г. малороссийским генерал-губернатором (т. е. генерал-губернатором Черниговской и Полтавской губерний) генерал-лейтенанта князя Н. Г. Репнина.

* * *

Князь Репнин был в русском обществе человеком знаменитым: прославившись на полях сражений, он — до своего назначения в Малороссию — успел побывать в должности самостоятельного правителя государства. В 1813—1814 гг. он — генерал-губернатор или, как тогда говорили, вице-король Саксонии. Саксонский король, сторонник Наполеона, потеряв доверие союзных монархов, был отправлен в Берлин в качестве военнопленного, и Репнин занял его место. Есть сведения, что Репнин был не просто назначен на это должность — но имел место факт его коронации²⁶.

Естественно, вице-король смотрел на себя как на человека, наделенного высшей властью, коронованную особу. Не имея отношения к императорской фамилии, Репнин фактически был монархом — и уже этим был интересен. К тому же, он имел в обществе устойчивую репутацию либерала, и с его дея-

²⁵ См. об этом подробнее: Сиповський В. В. Україна в російському писемстві. Київ, 1928. Ч. 1.

²⁶ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Князь Николай Григорьевич Репнин // Сборник биографий кавалергардов 1801—1825. М., 2001. С. 56.

тельность в Малороссии были связаны большие общественные ожидания.

Смысл этих ожиданий хорошо сформулирован в дневнике генерал-адъютанта графа П. П. Сухтелена: с назначением Репнина в Малороссии вводится «новое правительство в государстве», причем обе губернии будут состоять «на старинном казацком положении», «войсковая канцелярия, войсковой суд, упраздненные Екатериною, теперь восстановлены, но гетмана не будет»²⁷. К этому следует добавить, что сам Репнин, русский князь, родной брат генерала-заговорщика С. Г. Волконского, потомок Рюрика, к малороссийской знати отношения не имел. Однако он был женат на внучке последнего украинского гетмана К. Г. Разумовского, Варваре Алексеевне. И этот факт, надо полагать, играл не последнюю роль в поистине гетманских амбициях генерал-губернатора.

Источники свидетельствуют: Репнин не обманул общественных ожиданий. Прибыв в Малороссию, он, прежде всего, приблизил к себе литераторов: тех, от кого во многом зависело общественное мнение. В этом новоиспеченный генерал-губернатор оказался весьма избирательным: его покровительства удостоивались лишь те писатели, кто каким-либо образом был связан с украинофильской идеологией. Он покровительствовал Котляревскому, его личным другом был престарелый поэт В. В. Капнист, автор комедии «Ябеда», в 1820—1823 гг. — полтавский губернский предводитель дворянства. В молодости Капнист был отчаянным украинским националистом, в 1791 г. он даже посетил Пруссию, где провел переговоры с приближенными короля Фридриха Вильгельма II. «Капнист заявил, что его послали соотечественники дознаться, могут ли украинцы, в случае российско-прусской войны, рассчитывать на поддержку Пруссии, когда попробуют скинуть имперское ярмо» — пишет историк украинского национализма З. Е. Когут: Однако миссию Капниста постигла неудача: ко-

²⁷ Сухтелен П. П. Из записной книжки // Русский Архив. 1876. Кн. 1. С. 354.

роль отказался вести переговоры на эту тему²⁸. Чиновником канцелярии генерал-губернатора был Бантыш-Каменский. Свою «Историю Малой России...» он написал по поручению Репнина, что и подчеркнул в предисловии: «Труд сей предпринял я по поручению господина Малороссийского военного губернатора, управляющего и гражданскою частию в губерниях Черниговской и Полтавской, князя Николая Григорьевича Репнина. Сему почтенному начальнику моему обязан я многими источниками и непосредственным участием в первой книге»²⁹.

Этот исторический труд отличался минимальным количеством пророссийских оценок. Правители Украины — за малым исключением — оцениваются по крайней мере неоднозначно. Даже рассуждая о Мазепе, Каменский находит нужным подчеркнуть, что гетман-изменник был популярен в народе. О том свидетельствует ритуал его похорон: Мазепу хоронили как национального героя³⁰. Автор исподволь подводил читателей к выводу: вина Мазепы не столько в том, что он желал для Украины независимости от России, сколько в том, что он не смог добиться желаемого. «Антигероем» в книге выведен вовсе не Мазепа, а сохранивший верность русскому царю петровский выдвигенец Иван Скоропадский. Именно при нем украинцы потеряли многие права и свободы, которыми пользовались еще со времен Хмельницкого. В отличие от Мазепы, Скоропадский, по мнению Бантыш-Каменского, не был популярен в народе: когда он умер, о нем «мало жалели в Украине, хотя он, по доброту сердца, благодетельствовал многим». «Доброта сердца, — продолжает Бантыш-Каменский, — без других украшений не составляет истинного достоинства правителя народа: Скоропадский слабым и беспечным нравом не только ускорил свою

²⁸ Когут З. Е. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 67. Список літератури, посвященої миссії Капніста, см.: Там же. С. 67—69.

²⁹ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России, со времени присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением состояния сего края: в 4 т. М., 1822. С. V.

³⁰ Там же. Т. 4. С. 25.

кончину, но и лишил вверенных попечению его сограждан драгоценнейшего для них достояния», дал повод российскому императору «преобразовать Малую Россию»³¹. Зато акцентировано положительно характеризует Бантыш-Каменский последнего гетмана Украины, К. Г. Разумовского, деда жены генерал-губернатора: «Добродетель не умирает: не умрут никогда дела сего незабвенного мужа. Очевидцы и предание свидетельствуют о редкой справедливости, великости души, природном уме, доброте сердца, беспримерной щедрости, правдолюбии и веселом нраве сего вельможи»³².

Конечно, Бантыш-Каменскому было далеко до украинофильского радикализма Капниста. Но главным и для него, и для стоявшего за ним Репнина был вопрос об автономных правах Малороссии, в зависимости от способности защитить эти права от посягательств русской власти и оценивались украинские правители.

Некоторые исследователи считают, что именно из круга Репнина вышла и анонимная «История руссов»³³, существует даже мнение, что написал ее сам генерал-губернатор³⁴. Она интересна не столько оценками исторической роли отдельных гетманов, сколько концепцией происхождения украинцев как народа. Согласно «Истории руссов», «москвиты» и «россы» — два разных славянских народа, причем истинно «русские» — именно малороссы. По мнению анонимного автора, «россы» («роксоланы») произошли от «князя Руса», «потомка Афетова». Другой «потомок Афетов», «князь Мосох», «кочевавший при реке Москве и давший ей сие название», стал родоначальником «москвитов», «от чего впоследствии и царство их получило название Московского и, наконец, Российского»³⁵.

³¹ Там же. С. 63.

³² Там же. С. 137.

³³ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 167.

³⁴ Описание полемики об авторстве: Шевчук В. Неразгаданные тайны «Истории Руссов» [Электронный ресурс] // Сайт «История Украины». Электрон. данные. М., 2009.

³⁵ История руссов. С. 2.

Автор «Истории руссов», используя множество фальсифицированных документов, утверждает: история Киевской Руси есть история Малороссии. От первых русских князей и татарского владычества он переходит к владычеству польско-литовскому, настаивая, что «народ русский» соединился «с Литвою и Польшею» «яко вольный и свободный, а отнюдь не завоеванный»³⁶. Главными героями «Истории Руссов» являются «козаки», произошедшие от «козар». «Козарами» изначально назывались те, «которые еживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги; а сие название получили, наконец, и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь также своими семействами»³⁷.

Описывая момент присоединения Украины к «Московскому царству», автор особо подчеркивает, что присоединиться к «Московии» Хмельницкого заставила лишь внешняя угроза и боязнь попасть под «иго магометанское». Однако основанием этого присоединения была автономия Малороссии, уговор, «чтобы в дела их и судилища никто другой не входил и не мешался, а сами они судиться и управляться между собою должны по своим правам и своими, избранными от себя начальниками»³⁸.

Проанализировав украинофильские и, можно сказать, «казакофильские» воззрения автора, исследователи пришли к выводу: текст «Истории руссов» следует считать «памятником политического сознания начала XIX века»³⁹. Таким образом, в кругу Репнина и при его непосредственном участии была сформулирована идеология, которой генерал-губернатор собирался пользоваться в дальнейшем — восстановление, насколько это было возможным, автономного статуса Украи-

³⁶ Там же. С. 6.

³⁷ Там же. С. 2.

³⁸ Там же. С. 120.

³⁹ Яковенко Н. Н. Вступ до історії. Київ, 2007. С.149. Ср.: Булкина И. С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. С. 34.

ны. Собственно, все время пребывания в должности генерал-губернатора (до 1834 г.) Репнин вполне официально боролся за права казаков, за уравнивание в правах российского и малороссийского дворянства, за культурное процветание Малороссии и развитие «малороссийского наречия» — украинского языка.

Как показали новейшие исследования, Репнин вел и деятельность, скрытую от глаз центрального правительства. Так, он старался собрать вокруг себя украинофильски настроенное дворянство, завязать «неформальные» отношения с местными — уездными и губернскими — предводителями дворянства. Он пытался создать некий постоянно действующий орган, «совещание», которое бы ратовало за возвращение Малороссии «древних малороссийских прав». Не получив согласия императора на организацию такого «совещания», он пытался реализовать свою идею, используя для этого деятельность известной полтавской масонской ложи «Любви к Истине».

Для осуществления своих идей генерал-губернатор готов был воспользоваться и политическим заговором, не последнюю роль в котором играл его родной брат, С. Г. Волконский. Характеризуя взаимоотношения Репнина с членами Южного общества, О. И. Киянская в одной из своих работ утверждает: «По-видимому, генерал-губернатор, как и многие крупные сановники Александровской эпохи, занял выжидательную позицию. И если бы заговорщикам удалось победить, Репнин стал бы единоличным правителем Малороссии — в ту пору иной кандидатуры на эту должность просто не было. Приобрела ли бы при этом Малороссия независимость или просто возвратила бы себе свои автономные права и свободы — остается только гадать»⁴⁰.

Причины, побудившие современников и исследователей причислять Репнина не только к «автономитстам», но и к либералам, хорошо известны: в начале 1818 г. генерал-губернатор произнес речь перед участниками дворянских выборов

⁴⁰ Киянская О. И. Н. Г. Репнин и общественное движение в Малороссии // Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 291.

в Чернигове и Полтаве. Эта речь, в которой затрагивались, в частности, вопросы улучшения положения крепостных крестьян, была широко известна образованному обществу. Она была дважды напечатана: сначала отдельной книжкой, запрещенной цензурой, затем — на страницах российского дайджеста «Дух журналов». П. И. Пестель утверждал на следствии, что эта речь, всем хорошо известная, породила новую волну толков о крепостном праве. Реакция на нее «консерваторов» убедила Пестеля и его друзей, что уговорить помещиков «даровать свободу крепостным крестьянам» будет весьма трудно⁴¹.

Если сопоставить обе публикации «Зиновия Богдана Хмельницкого» Глинки с основными этапами политической деятельности Репнина в Малороссии, следует признать: первая публикация этой повести была, скорее всего, приурочена к назначению Репнина генерал-губернатором, вторая же соответствовала времени произнесения им речи перед полтавским и черниговским дворянством. Очевидно, Глинка был полностью осведомлен о деятельности малороссийского генерал-губернатора: он был дружен с М. Н. Новиковым, племянником знаменитого екатерининского масона, в 1817—1822 гг. начальником канцелярии Репнина. Познакомились они в масонской ложе «Избранного Михаила», именно Новиков принял Глинку в Союз благоденствия. С Новиковым, членом-корреспондентом Вольного общества любителей российской словесности, был, видимо, заочно знаком и Рылеев.

Таким образом, дума Рылеева «Богдан Хмельницкий», восходящая к повести Глинки, была не столько следствием увлечения историей Украины, сколько отражением общественных ожиданий, связанных с генерал-губернаторством Репнина. Деятельность гетмана Хмельницкого, борца за освобождение от поляков, присоединившего Малороссию к России, но в то же время сохранившего автономные права казаче-

⁴¹ Восстание декабристов. Документы и материалы: в 21 т. (далее — ВД). М.; Л., 1927. Т. 4. С. 101.

ства, для авторов и читателей 1820-х гг. была вполне соотносима с деятельностью генерал-губернатора.

«Украинофильские» произведения Глинки и Рылеева могли, кроме того, преследовать и вполне прагматическую цель: обратить на их авторов внимание Репнина, побудить его начать оказывать литераторам покровительство. Тем более, что Рылеев был знаком и с самим Репниным: в 1814 г., сразу же после окончания Кадетского корпуса, он служил в Дрездене при своем родственнике, генерале М. Н. Рылееве — одном из ближайших саксонских сотрудников будущего малороссийского генерал-губернатора.

* * *

После думы «Богдан Хмельницкий» и до «Войнаровского» Рылеев еще несколько раз обращался к украинским сюжетам — и на этот раз объектом его размышлений становится гетман Мазепа, в ходе Северной войны изменивший Петру I и перешедший на сторону Карла XII. Возможно, к этой теме Рылеев обратился в связи с какими-то известными ему тайными планами Репнина. Однако можно сделать вывод: к деятельности Мазепы как исторического персонажа Рылеев относился резко отрицательно. Об этом свидетельствуют черновики трагедии «Мазепа», замысел которой, по мнению ряда исследователей, сложился к 1822 г. «Мазепа. Гетман Малороссии. Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине», — так характеризует Рылеев будущего героя трагедии⁴². Аналогична характеристика Мазепы в предисловии к написанной в 1823 г. думе «Петр Великий в Острогжске»: «Уклончивый, хитрый гетман умел вкратиться в милость Петра»⁴³. В прозаическом наброске, относящемся к 1824 г., Рылеев выразил свое отношение к Мазепе еще резче: «[Любопытно следить хитрость]. Для Мазепы,

⁴² Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С. 413.

⁴³ Рылеев К. Ф. Думы. С.81.

кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился <...> Ни уважение, оказанное ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средством, дозволенным на пути к оной»⁴⁴.

Таким образом, даже на фоне произведений самого Рылеева поэма «Войнаровский» выглядела странно.

* * *

Странность эта, впрочем, вполне объяснима: в 1823—1824 гг., когда писалась поэма, и в России, и в жизни самого Рылеева происходили серьезные перемены. В начале своей литературной карьеры Рылеев-поэт, участник политической борьбы и удачливый составитель «Полярной звезды», обращался к своим читателям с призывами бороться с деспотизмом условного «тирана», сохраняя при этом верность царю, родине и народу.

Призыв этот был, конечно, прагматичным и холодным: с 1820 г., с сатиры «К временщику», Рылеев играл в политические игры на стороне могущественного министра духовных дел и народного просвещения, князя А. Н. Голицына. Сотрудничество с министром приносило Рылееву немалые дивиденды в виде денег и литературной славы⁴⁵.

Однако в 1823 г. ситуация начала меняться: влияние Голицына при дворе ослабло. Граф А. А. Аракчеев, главный придворный противник князя, добивался отставок сторонников Голицына и просто независимых при дворе людей. Своих по-

⁴⁴ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С.416.

⁴⁵ См. об этом: *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Сатира К. Ф. Рылеева „К временщику“: Опыт историко-литературного комментария // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 297—340; *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Из истории русской журналистики 1820-х годов...; *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Дума К. Ф. Рылеева «Царевич Алексей Петрович в Рождестве»: из комментариев к произведению // Николаю Алексеевичу Троицкому — к юбилею: Сб. ст. Саратов: Наука, 2011. С. 132—148.

стов лишились министр финансов Д. А. Гурьев, начальник Главного штаба П. М. Волконский, министр внутренних дел В. П. Кочубей; все они были заменены аракчеевскими креатурами. В конце 1823 г. Рылеев вступил в тайное общество, а полгода спустя, в мае 1824 г., лишился своего поста и его покровитель, Голицын.

Для Рылеева, автора направленной против Аракчеева сатиры «К временщику», просто не оставалось иного выхода, кроме вступления в политический заговор. Никаких гарантий, что «надменный временщик» не захочет свести с ним счеты, у поэта не было. В 1824 г. цензура начинает запрещать его произведения, при том, что раньше проблем такого рода поэт не испытывал. Предложение вступить в тайное общество — в котором Аракчеева считали «таинственным врагом государя императора и нашего отечества»⁴⁶, а свобода печати и отмена предварительной цензуры являлись программными требованиями⁴⁷ — пришлось как нельзя кстати.

* * *

Среди исследователей давно закрепилось мнение, что сложное построение книги, включавшей поэму «Войнаровский», было вызвано, прежде всего, цензурными причинами⁴⁸. Для того, чтобы поэма появилась в печати, идею «борьбы свободы с самовластьем» следовало несколько замаскировать. Сам Рылеев в письме к Пушкину признавал, что — из соображений осторожности — был вынужден «прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова»⁴⁹. К цензурированию поэмы столичный цензор Александр Бируков отношения не имел, ее пропустил в печать московский цензор, университетский профессор Николай Бекетов. В данном слу-

⁴⁶ ВД. М., 1969. Т. 12. С. 95.

⁴⁷ ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 112.

⁴⁸ Оксман Ю. Г. [Комментарий к поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский»] // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. С. 458.

⁴⁹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С. 495.

чае фамилию Бирукова Рылеев употребил для обозначения цензуры вообще.

Однако, как уже говорилось выше, московская цензура была намного гуманнее петербургской. Кроме того, Рылеев вполне мог вообще не печатать свою поэму, пустить ее в свет в рукописном виде — такая форма распространения произведений была вполне в традициях эпохи. Так произошло с грибоедовской комедией «Горе от ума», с антиправительственными стихами Пушкина, с эпиграммами Вяземского, с той же «Историей руссов», с запрещенными цензурой произведениями самого Рылеева. Если бы Рылеев изначально не хотел «говорить для Бирукова» — он бы вполне мог воздержаться от такого разговора.

Представляется, что, обрамляя «Войнаровского» официально-патриотическими текстами об измене Мазепы, Рылеев не столько шел на поводу у условного «Бирукова», сколько заострял главные идеи, положенные в основу поэмы.

На страницах книги поэт ведет напряженный спор и с авторами жизнеописаний Мазепы и Войнаровского, и с самим собою, с собственными ранними произведениями. Ни коем образом не отказываясь от роли поэта-гражданина, подчеркивая эту роль в посвящении к поэме, он теперь понимает эту гражданственность по-другому. По-видимому, некоторой недовольностью за не вполне искренний патриотизм собственных прошлых произведений продиктованы в поэме слова Мазепы, обращенные к Войнаровскому:

Я не люблю сердца холодных:
Они враги родной стране.
Враги священной старине:
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено⁵⁰.

Но ситуация изменилась, и со страниц поэмы «Войнаровский» со своими сторонниками — настоящими и будущи-

⁵⁰ Там же. С. 213.

ми — заговорил руководитель антиправительственного заговора, решившийся пойти в своих устремлениях до конца и сжигающий за собой мосты. Своим соратникам он объяснил, в частности, что борьба с «самовластьем», пусть обреченная на поражение, пусть ошельмованная и заклеянная клеймом «измены» — высокое и справедливое дело.

Автобиографизм, безусловно, присущий «Войнаровскому» как романтической поэме, выразился в откровенном признании Рылеевым собственной измены по отношению к «самовластью». Иными словами, «Войнаровский» был едва ли не первым искренним и выношенным законченным произведением Рылеева — в отличие от множества предшествующих стихотворений, написанных по политическому заказу. И именно поэтому эта поэма стала его безусловным творческим успехом — в этом едины и современники, и позднейшие исследователи.

* * *

Собственно, те же самые идеи Рылеев положил и в основу своей неоконченной поэмы «Наливайко», отрывки из которой увидели свет в «Полярной звезде» на 1825 г.:

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов <...>
Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителен народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...

И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!⁵¹

Судя по позднейшим сбивчивым объяснениям цензора Бирукова, цензурировавшего последний выпуск альманаха, крамольный фрагмент он допустил в печать по просьбе ушедшего в отставку князя Голицына — и это была последняя услуга, оказанная поэту опальным министром⁵².

* * *

Изучая тайную, конспиративную деятельность Рылеева, исследователь неминуемо сталкивается с большим количеством странностей и несообразностей.

Буквально за несколько месяцев, прошедших с момента вступления в заговор, Рылееву удалось сплотить вокруг себя разрозненных участников давно развалившихся тайных организаций, принять в свою «отрасль» гвардейскую молодежь, начать подготовку реального восстания с целью захвата власти. Согласно приговору, вина Рылеева состояла, в частности, в том, что он «усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приутоговлял способы к бунту <...> приутоговлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных»⁵³. Однако неясно, каким образом мог «приутоговлять главные средства» к военному перевороту человек сутобо штатский, журналист и издатель. Непонятно, как ему удавалось «управлять» тайным обществом, состоявшим почти сплошь из военных, почему офицеры-заговорщики столь быстро признали в штатском литераторе своего безусловного лидера.

Конечно же, если бы Рылеев не был поэтом — то стать руководителем заговора у него не было никаких шансов. Однако

⁵¹ Полярная звезда на 1825 г. // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 713—714.

⁵² Оксман Ю. Г. Секретне слідство про «Исповедь Наливайко» К.Ф. Рилэва року 1825 // Юбілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927. С. 874—878. <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3651>

⁵³ ВД. М., 1980. Т. 17. С. 202.

поздние его произведения, его поэма «Войнаровский», и для заговорщиков, и для тех, кто только собирался в заговор вступить, оказались своего рода санкцией на антиправительственную деятельность, ее идеологическим обоснованием. Участники борьбы с властью оказывались свободными от традиционных нравственно-патриотических запретов, с них снималось обязательство следовать обыкновенным гражданским нормам «любви к родине» и «верности монарху». Более того, антиправительственная поэма была легально опубликована, и это создавало иллюзию легкости свержания власти.

О том, как восприняли поэмы «Войнаровский» и «Наливайко» российские вольнодумцы, сохранилось множество свидетельств. Так, титулярный советник Иван Горсткин рассказал на следствии, как шло обсуждение поэмы в кругах московских заговорщиков: «Разбирали сочинение г[осподи]на Рылеева «Войнаровский». Пущин и некоторые лица восхищались, мы с Тучковым находили в нем тьму нелепостей, терзали его строгими замечаниями. Пущина то сердило, а мне нравилось, да и все, кажется, наконец, с нами согласны были. В сих прениях прошло время целого вечера»⁵⁴. Характерно, что И. И. Пущин, защищавший поэму, оказался одним из самых активных деятелей Сенатской площади. А упомянутые в том же показании критики «Войнаровского» остались в стороне от происходивших в столице событий.

О том, чем может закончиться участие в тайных антиправительственных организациях, впервые — в связи с «Войнаровским» — начал размышлять и, например, член южного заговора, близкий к П. И. Пестелю Н. И. Басаргин. «Помню, что однажды я читал как-то жене моей только что тогда вышедшую поэму Рылеева «Войнаровский» и при этом невольно задумался о своей будущности. «О чем ты думаешь? — спросила она. «Может быть, и меня ожидает ссылка», — сказал я. «Ну, что ж, я также приду утешить тебя, разделить твою

⁵⁴ Там же. М., 2001. Т. 20. С. 325.

участь. Ведь это не может разлучить нас, так об чем же думать?» — прибавила она с улыбкой»⁵⁵.

«Непостижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам ничего не значащим, как то: ангельская красота, рок и пр., пропускались статьи, подобные <...> „Исповеди Наливайки“», — удивлялся на следствии друг Рылеева Владимир Штейнгейль⁵⁶. А другой подследственный, Дмитрий Завалишин, не мог понять, «каким образом Рылеев давно не был потребован к допросу. Сочинения его, а в особенности «Исповедь Наливайки»... не оставляла никакого сомнения насчет его мыслей и духа». Завалишин «недоумевал, каким образом они выходили в свет, и охотно поверил силе общества (тайного общества. — А. Г., О. К.), обширности связей и участию важных особ»⁵⁷.

Когда восстание не удалось, обе поэмы зазвучали как пророчества о судьбе и самого Рылеева, и его товарищей по заговору. «Изображая борьбу Наливайко против польской шляхты, Рылеев явно имел в виду современную ему борьбу декабристов против русского самодержавия», «у Рылеева и Войнаровский, и Наливайко — декабристы», — утверждали исследователи⁵⁸.

И нельзя не отметить, что в подобных утверждениях — при всем «советском» их звучании — было вполне здоровое, рациональное зерно.

⁵⁵ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 76.

⁵⁶ ВД. М., 1976. Т. 14. С. 188—189.

⁵⁷ Там же. М.; Л, 1927. Т. 3. С.246.

⁵⁸ Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева. С. 10; Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 310.